

РУСЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА ТУБЫЛЕВИЧ

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера»

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

(Сыктывкар, Российская Федерация)

ORCID 0009-0008-0984-357X;

tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

СИМВОЛИКА СНА ГОСТОМЫСЛА В РОМАНЕ М. Д. КАРАТЕЕВА «ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА»

А н н о т а ц и я . Рассматривается символика сна Гостомысла (из Иоакимовской летописи) как варианта политической легенды в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана». На достижение этой цели направлены следующие задачи: анализ сна Гостомысла в контексте политической легенды о первых русских князьях и вещих снах правителей о личной судьбе и будущем государства; характеристика способов включения сна в исторические романы о первых русских князьях; интерпретация его символики в романе М. Д. Каратеева. Актуальность исследования обусловлена интересом современной науки к образам и сюжетам отечественной истории и их отражению в русской литературе. Анализ сна Гостомысла как эпизод романа М. Д. Каратеева еще не проводился, в этом состоит новизна исследования. Используя сравнительно-сопоставительный метод, автор приходит к следующим выводам. Сон, включающий в себя мотив чудесного дерева, выросшего из тела женщины, как вариант политико-династического мифа XVI–XVII веков, в сюжетах исторических романов 2-й половины XX – начала XXI века предстает как эпизод биографии князя Рюрика или хитроумный способ восхождения на престол. В романе М. Д. Каратеева символика сновидения реализуется на нескольких уровнях: личной судьбы главного героя, его семьи и государства. «Программа» родства русских князей становится проверкой убеждений окружения карачевского князя Василия, когда он незаконно лишается своей вотчины и становится изгоем. Поднимается проблема забвения родственниками князя кровных уз ради личной выгоды, достигаемой даже с угрозой уничтожения княжества силами хана Золотой Орды. Последнее затрагивает проблемы целостности Русских земель и интересов формирующегося единого государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сон Гостомысла, исторический роман, Иоакимовская летопись, древнерусская литература, русская литература XX века, мотив чудесного дерева, выросшего из тела женщины

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тубылевич Р. Е. Символика сна Гостомысла в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 93–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1047

ВВЕДЕНИЕ

Автор исторического романа работает не только с достоверными, но и с легендарными источниками. К последним можно отнести и вещий сон посадника Гостомысла о плодовом дереве, выросшем из чрева его дочери, упомянутый в новгородской Иоакимовской летописи (далее – НИЛ¹) и пересказанный в историческом романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» (1958), входящем в цикл «Русь и Орда» (1958–1967).

Цель работы – изучение особенностей символики сна Гостомысла как варианта политической легенды в историческом романе М. Д. Каратеева

«Ярлык великого хана». Из цели работы вытекают следующие задачи: 1) рассмотреть сон Гостомысла как вариант политической легенды о первых князьях; 2) кратко охарактеризовать роль вещих снов (в частности, сновидений о дереве) в древнерусской литературе; 3) наметить основные подходы к включению сна Гостомысла в русских исторических романах и 4) изучить, как этот сон встраивается в идейный пласт романа М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана».

Специфика НИЛ как объекта исследования заключается в дискуссионности сведений, представленных в ней [1: 6–34]. Зная о слож-

ной репутации НИЛ, М. Д. Каратеев сопровождал пересказ эпизодов из нее критическими комментариями [15: 87–89], в том числе и сон Гостомысла, символичность которого встраивалась в идею романа и всего цикла. Изучение этого эпизода в романе еще не проводилось, в этом состоит новизна нашей работы.

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ КАРАТЕЕВ КАК АВТОР ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

Михаил Дмитриевич Каратеев (1904–1978) – русский писатель «младшего», «незамеченного» поколения первой волны эмиграции [7: 26]. Основная часть его творчества представлена историческими романами и научными трудами по истории Древней Руси – циклом «Русь и Орда» (1958–1967) и сборниками очерков «Из нашего прошлого» (1968) и «Арабские истории» (1971). Они отразили активную гражданскую и просветительскую позицию автора, основанную на понимании самобытности исторического пути России, ценности ее истории и культуры: «За неуважение к своему прошлому приходится платить дорогой ценой»². Эта установка доминировала в среде русского зарубежья: «...культурно-историческая память служила важным элементом национальной идентичности» [8: 84].

Своими главными задачами при создании исторических романов писатель считал, во-первых, восстановление «справедливости» в отображении ключевой эпохи в русской истории – периода правления Дмитрия Донского. Великий московский князь, по его мнению, был «национальным героем, чьим гением Русь была выведена из феодального хаоса на прямой великодержавный путь»³. Во-вторых, ознакомление читателя с неизвестной ему ранее историей русских княжеств [2]. Наконец, устранение некоторых ошибок, которые возникли при поверхностном чтении летописей его предшественниками. Эти задачи во многом определили фактографичность романов М. Д. Каратеева, их «единодержавную направленность», «промосковскую» и «антинорманнскую» концепции [2]. Последняя была связана с историческими взглядами писателя, который не принимал норманнскую теорию происхождения русской государственности и считал НИЛ текстом хотя и не полностью достоверным, но все же отразившим некоторые факты из древней русской истории⁴.

ИОАКИМОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ В РЯДУ ДРУГИХ ТЕКСТОВ

НИЛ была введена в научный оборот В. Н. Татищевым, пересказавшим фрагменты из нее

в своей «Истории Российской»⁵. Отсутствие первоисточника и оригинальность сведений обусловили сравнение ее с такими известными мистификациями, как Краледворская и Зеленогорская рукописи, и отношение к ней как к фальсификации (А. Л. Шлёцер, Н. М. Карамзин, Е. Е. Голубинский, М. Горлин и др.).

Согласно другой точке зрения, НИЛ является скорее компиляцией⁶ из разных летописных сводов, в том числе позднейших⁷. Это заметно на материале сна посадника Гостомысла, который входит в сюжет сказания (или легенды) о призвании варягов, «одного из самых спорных текстов в историографии, посвященной истории Руси» [13: 514]. Развитие этого сказания в восточнославянских летописях (Никоновской, Воскресенской летописях, в «Степенной книге» и др.) П. С. Стефанович относит к XVI–XVII векам. По его мнению, оно содержит в себе два «мифа»: «политико-династический» (Рюрик и его потомки как законные правители Руси) и «этногенетический» [12: 328–329], выходящий на первый план с XVII века.

Создание имеющих сходную структуру политических легенд было развито в литературе Смутного времени. Для объяснения передачи власти от законного правителя напрямую наследнику использовались сюжетные схемы, содержащие мотивы «пророческого предсказания в преддверии смерти», «отсутствия прямого наследника престола», «называния имени преемника», «родства и передачи власти дальнему родственнику» [16: 116, 119].

ВЕЩИЙ СОН О ДРЕВЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вещий сон, предсказывающий судьбу государства и посланный его главе, встречается в письменных памятниках античности и средневековья [11: 30]. На средневековом Западе так называемые королевские сновидения считались одними из самых достоверных (например, сон Карла Великого в «Песне о Роланде») [5: 336, 360]. В древнерусской литературе подобный вещий сон встречается не часто. К самым известным относятся сновидение князя Святослава в «Слове о полку Игореве» и родственный ему сон древлянского князя Мала в «Летописце Переяславля Суздальского» [11: 30]. Чаще всего предсказателями будущего становились «служители культов, языческого и христианского» [4: 103]. Вместе с тем с приходом христианства церковью «вера в сновидения осуждается» [10: 172], а сами сны «вытесняются из области государственной и политической идеологии в область бытовую» [9:

91]. В частности, в текстах древнерусской литературы с XIII века сны теряют свою значимость и используются как средство развлекательности («Александрия») [4: 116–117], уступая место видениям и политическим легендам, поданным как исторический факт.

Сон, заключающий в себе пророчество о рождении будущего правителя государства, в котором фигурируют образы женщины и дерева, выделен А. Л. Топорковым как один из мотивов мировой литературы («мотив чудесного дерева, выросшего из тела женщины»). Исследователь подробно останавливается на вариантах этого мотива в исландских сагах, античной и византийской литературе. Мы лишь кратко перечислим некоторые из них: сон мидийского царя Астиага из «Истории» Геродота о виноградной лозе, предрекий рождение Кира Великого; сон весталки Сильвии о рождении Ромула и Рема в «Фастах» Овидия (о двух пальмах), сны Рагнхильд в «Саге о Хальфдане Черном» (о дереве, выросшем из иглы с ее платья), сновидение матери византийского императора Василия I Македонянина (о золотом дереве, выросшем из ее груди) и др. [14: 250–262]. Говоря о сне Гостомысла в НИЛ, А. Л. Топорков ссылается на А. П. Толочко, который считал этот эпизод «калькой сюжета, известного у Геродота» [14: 257], и резюмирует: «Во всяком случае, ни в каких других текстах о первых русских князьях данный мотив не встречается» [14: 257].

СОН ГОСТОМЫСЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сюжет сказания о призвании варягов активно разрабатывался в сочинениях историков, писателей и драматургов XVIII–XIX веков: А. П. Сумарокова («Синав и Трувор» (1750)), Екатерины II («Историческое представление из жизни Рюрика» (1786)), Я. Б. Княжнина («Вадим Новгородский» (1793)), М. Н. Макарова («Повести из русских народных преданий» (1834)), К. Ф. Рылеева (неоконченная дума «Вадим», 1821–1823) и др. Сон Гостомысла из НИЛ почти не привлекал внимание писателей и историков этого периода. Его стали активно пересказывать авторы исторических романов 2-й половины XX – начала XXI века. Отношение к этому эпизоду и его интерпретация колебались от уверенности в его достоверности до понимания его символической природы. Сон мог становиться несомненным историческим фактом из биографии Рюрика («Рюрик» Г. Ф. Петrenchенко (1994), «Князь Гостомысл – славянский дед Рюрика» В. Седугина (2011), «Рюрик. Полет сокола» М. Н. Задорнова и Ю. и В. Гнатюков

(2013)) или осознаваться как вымысел, благодаря которому Рюрику удалось закрепить права на престол (в романе А. Гусарова «Из варяг в греки» (2019), славянском фэнтези «Гиперборей»⁸ Ю. Никитина и др.).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СНА ГОСТОМЫСЛА В РОМАНЕ М. Д. КАРАТЕЕВА

В отличие от указанных выше романов, посвященных правлению первых русских князей, «Ярлык великого хана» изображает другой исторический период – татаро-монгольское иго, в условиях которого идея, выраженная в этом символическом сне, не теряет своей актуальности.

В основу сюжета романа легли не только материалы древнерусских летописей, но и семейные предания М. Д. Каратеева о его предках – карачевских князьях⁹ [7: 402]. Главный герой романа – карачевский князь Василий Пантелеймонович – из-за интриг его дядьев Андрея и Тита Мстиславичей лишается своей вотчины и едет в Белую Орду. По пути он заезжает в Муром, где гостит у князя Юрия Ярославича, называясь карачевским боярином Василием Снежиным. Князь Юрий, догадываясь, кто перед ним, и видя взаимную симпатию своей дочери и молодого «боярина», рассказывает ему сюжет из древнерусской истории, который становится проверкой убеждений и знаний как хозяина, так и его гостя.

Сон новгородского посадника Гостомысла является одним из эпизодов в рассказе о череде русских правителей, предваряет эпизод призвания Рюрика по предложению Гостомысла и объясняет государственную значимость этого решения. В эпиграфе к главе он представлен в виде точной цитаты из сочинения В. Татищева, а в тексте самой главы – в речи муромского князя в пересказанном виде:

«У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Сын-овья все поумирал и потомства не оставили, а дочери были выданы за соседних князей. И когда почувял Гостомысл близость смерти, стал он думать, кому передать княжение? Вестимо, он понимал, что, если еще при жизни своей этого дела не урядит, – начнется усобица и вновь придет в упадок Новгородская земля.

И вот, когда размышлял он об этом, привиделся ему сон: будто из чрева средней его дочери Умилы выросло великое дерево, сенью своей покрывшее и плодами напитавшее всю славянскую землю. И волхвы, коих позвал Гостомысл, так ему растолковали этот вещий сон: надлежит княжить в Новгороде сыновьям Умилы, и потомство ее принесет славу и процветание славянскому народу...»¹⁰.

В романе пересказ фрагментов НИЛ герой сопровождает своими критическими коммен-

тариями (иногда совпадающими с авторскими оценками тех же фрагментов в его исторических работах). Этот эпизод не исключение. Осознавая его «символический» характер, М. Д. Каратеев через своего персонажа допускает мягкие оговорки. Прежде всего, сама ситуация сновидения объяснена психологически:

«Вестимо, он понимал, что, если еще при жизни своей этого дела не урядит, – начнется усобица и вновь придет в упадок Новгородская земля. И вот, *когда размышлял он об этом* (курсив наш. – Р. Т.), привиделся ему сон...» (215).

Ответственность за толкование сна перекладывается на волхвов, которые «так ему растолковали этот вещий сон» (215). Вместе с тем само решение Гостомысла на фоне рассказа НИЛ о войне со скандинавами и долгом восстановления Новгородской земли выглядит логичным. Желая избежать усобиц при дележе власти, Гостомысл решает отдать престол единственному оставшемуся мужскому родственнику по прямой линии – своему внуку Рюрику.

Комментируя услышанный рассказ, князь Василий Пантелеймонович высказывает важную для идейного замысла романа мысль: «Стало быть, род наш чуть не со времен Христа над славянами княжит!» (215). В эпизод сна Гостомысла в летописи вложены две идеи: политическая и религиозная. Они объединены утверждением славянских корней единого княжеского рода, представителям которого предначертано Богом править на Руси. При этом само правление оценивается как благополучное и «дающее добрые плоды». Эталонном духовной личности в мире в древнерусской литературе всегда изображался князь, он же и был гарантом нерушимости православной веры и на уровне удельного княжества, а позднее – и всей Русской земли. Поэтому фраза «плодами напитавшее всю славянскую землю» (215) означает не только «экономическое» благополучие государства, но и незыблемые основы его морали и религии.

Эпизод сна Гостомысла можно рассматривать на нескольких уровнях. Прежде всего, как политическую легенду, закрепляющую исконность и легитимность власти потомков Рюрика, в частности главного героя романа – князя Василия, в результате заговора утратившего свою вотчину, но не лишившегося законного права занимать престол в своем бывшем княжестве. В восприятии изгнанника это упрочивает не только «юридически», но и «морально» его притязания, превращает его надежду на возвращение домой

в его долг перед жителями Карачевского княжества.

В условиях татаро-монгольского ига идея славянских корней русской государственности звучит особенно остро, так как подчеркивает противоестественность текущих условий существования княжеской власти. Правящие издревле русские князья всего лишь выполняют функции данников Орды и подконтрольных ей наместников, имеющих очень ограниченную власть. Намеченный в романе процесс постепенного освобождения Руси включает в себя и изменения в сознании его героев, которые подготавливаются в том числе идеей, сконцентрированной в сне Гостомысла.

Символика сновидения в романе реализуется на нескольких уровнях. Во-первых, в сюжетной линии взаимоотношений князя Василия и дочери муромского князя этот эпизод становится проверкой подозрений Юрия Ярославича относительно того, кто перед ним. Эту проверку бывший карачевский князь не проходит (см. его комментарий выше): «Наш род? – удивился князь Юрий. – А мне и невдомек было, что ты тоже Рюрикова рода...» (215). Во-вторых, несмотря на изложенную «программу» о родстве русских князей и необходимости единства между ними, сам князь Юрий по политическим причинам не готов принимать в свою семью молодого гостя, пусть даже и родственника (в силу кровного родства карачевских и муромских князей): «*Родниться* (курсив наш. – Т. Р.) же с изгоем нам не пристало...» (227).

Во-вторых, идея, заключенная в этом символическом эпизоде, ярко проявляется на двух уровнях – частном (уровне одной семьи) и государственном. На первом уровне братья Андрей и Тит Мстиславичи из-за собственных амбиций забывают о кровном родстве, и даже возможное убийство племянника (сына их брата Пантелеймона) не смущает главного заговорщика – звенигородского князя Андрея. Последний тем не менее вынужден открыто не высказывать своих планов из-за непримиримой позиции его брата Тита, который готов только «огрбить» своего племянника, лишив его не головы, но вотчины: «...с головы Василия здесь и волос не упадет... <...> Я не убивец и не тать!» (136).

Вместе с тем герои романа еще и правители удельных княжеств – частей некогда могущественного, но давно распавшегося Черниговского княжества: его Звенигородского (Андрей), Козельского (Тит) и Карачевского (Василий) уделов. В борьбе за карачевский «стол» Андрей и Тит

прибегают к помощи золотоордынского хана Узбека, чьим прямым вмешательством и угрожают племяннику в случае, если он не подчинится его воле и не оставит Карачев. Тем самым они прибегают к обычной в период татаро-монгольского ига политике отдельных русских князей, заключавших политические договоры с ханами и приводивших татаро-монголов на землю своего «оппонента». Таким образом, автор поднимает проблему предательства со стороны правителей интересов своих княжеств и всей Русской земли, впоследствии развитую в других романах цикла «Русь и Орда» в русле объединительной политики Московского княжества.

ВЫВОДЫ

Являясь отражением мотива чудесного дерева, выросшего из тела женщины, сон Гостомысла в НИЛ, как и другие подобные эпизоды у Геро-

дота, Овидия, в скандинавских сагах, заключает в себе пророчество о рождении будущего правителя. Входя в сказание (легенду) о призвании варягов, он становится частью «политико-династического» (по определению П. С. Стефановича) мифа, развитого в XVI–XVII веках. Сон Гостомысла реализуется в качестве эпизода биографии Рюрика в исторических романах 2-й половины XX – начала XXI века как не нуждающийся в доказательствах, реальный факт биографии князя. В романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана», посвященном эпохе татаро-монгольского ига, идея династии, преемственности власти «по крови», роли князей в трудах во благо Русской земли звучит особенно актуально. В перспективе она воплощается и в образе «древа российского государства», надежными «ветвями» которого становятся его светские и духовные деятели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокращение, предложенное С. Н. Азбелевым.

² Каратеев М. Д. Из нашего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 30.05.2023).

³ Каратеев М. Д. От автора // Каратеев М. Д. Карач-Мурза. Богатыри проснулись: Исторические романы. М.: Профиздат, 1992. С. 7.

⁴ Каратеев М. Д. Из нашего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 30.05.2023).

⁵ Подробнее об истории обнаружения и научных спорах о подлинности НИЛ см. [1: 6–34].

⁶ Как отмечал Д. С. Лихачев, понятие «подделки» долгое время «абсолютизировалось»: «поддельной считалась всякая рукопись и всякое произведение, относящееся не к тому времени и принадлежащее не тому автору, которые обозначены (прямо или косвенно) в самом памятнике» [6: 338]. С этой точки зрения НИЛ стояла в одном ряду со Строгановской сибирской летописью, созданной позднее описываемых событий (70-е годы XVII века), «Рукописанием шведского короля Магнуша» (последняя четверть XV века) и «Посланием Александра Македонского к русским князьям» (XVI век) [6: 339].

⁷ Линниченко И. А. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Октябрь. Отд. 2. С. 246–247, 254.

⁸ См. [3: 95–96].

⁹ По словам М. Д. Каратеева, «исторические изыскания он начал для того, чтобы узнать историю своих предков – князей Карачевских» [2].

¹⁰ Каратеев М. Д. Ярлык Великого хана // Каратеев М. Д. Русь и Орда: историческая эпопея. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 215. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.
2. Бойко де Семка В. Михаил Каратеев // Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео, 2009. С. 169–184 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/VjZhP> (дата обращения 30.05.2023).
3. Бреева Т. Н. Стратегия репрезентации национального мифа в славянском фэнтези // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 94–100.
4. Демин А. С. Древнерусская литература как литература: о манерах повествования и изображения: Монография. М.: Языки славянской культуры, 2015. 486 с.
5. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. 440 с.
6. Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетей, 2001. 759 с.
7. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 1995. 432 с.

8. Мосейкина М. Н. Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке в контексте истории двух волн эмиграции // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 83–97. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.68.34566
9. Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненный знаков: Тайнства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. М.: Юрид. лит., 1991. 302 с.
10. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 432 с.
11. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5. С. 30–39.
12. Стефанович П. С. Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв.: от средневековых мифов к раннемоdernным // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / Отв. сост. А. В. Доронин; Отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: Полит. энциклопедия, 2017. С. 326–344.
13. Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo Gentis Russorum?* // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 514–583.
14. Топорков А. Л. Источники повести о Светомире царевиче Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012. 486 с.
15. Тубылевич Р. Е. Интерпретация Иоакимовской летописи в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670
16. Туфанова О. А. Политическая легенда в исторических повествованиях первой трети XVII века // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 111–122. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00094

Поступила в редакцию 05.06.2023; принята к публикации 25.03.2024

Original article

Ruslana E. Tubylevich, Junior Researcher, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-0984-357X;
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

DREAM OF GOSTOMYSL IN MIKHAIL KARATEEV'S NOVEL THE CHARTER OF GREAT KHAN

Abstract. The purpose of this research article is to explore the symbolism of Gostomysl's dream (from the Joachim Chronicle), portrayed in Mikhail Karateev's historical novel *The Charter of Great Khan* (1958), as a form of political legend. The study sets out to analyze Gostomysl's dream within the context of political legends concerning the early Russian princes and their prophetic dreams regarding personal destiny and the future of the state. Additionally, the article aims to examine how Gostomysl's dream is incorporated into historical novels about the early Russian princes, and how its symbolic meaning is intertwined with the ideological layer of Karateev's novel about the Tatar-Mongol yoke. The significance of this research lies in the contemporary scientific interest in the images and plots of Russian history and their depiction in Russian literature. The episode of Gostomysl's dream in Karateev's novel has not been previously explored, making it a novel aspect of this study. Through the use of the comparative method, the author arrives at several conclusions. Gostomysl's dream, which includes the motif of a miraculous tree growing from a woman's body, can be seen as a variation of the political-dynastic myth prevalent in the XVI and the XVII centuries. This motif has been utilized in Russian historical novels of the second half of the XX and the early XXI centuries, often as an episode of the biography of Prince Rurik or as a cunning strategy for ascending to the throne. In Karateev's novel, the symbolism of Gostomysl's dream is multi-faceted, impacting the personal destiny of the main character, his family, and the state. As Prince Vasily of Karachev is unjustly stripped of his inheritance and becomes an outcast, the "program" of the kinship of Russian princes becomes a test for the beliefs of people from his immediate circle. The narrative delves into the complexities of kinship bonds being forsaken by the prince's relatives for personal gain, even at the risk of the principality being destroyed by the forces of the Khan of the Golden Horde. These themes resonate with larger issues of territorial integrity of Russian lands and the interests of the emerging unified Russian state.

Key words: dream of Gostomysl, historical novel, Novgorod Joachim Chronicle, Old Russian literature, twentieth-century Russian literature, motif of a miraculous tree growing from a woman's body

For citation: Tubylevich, R. E. Dream of Gostomysl in Mikhail Karateev's novel *The Charter of Great Khan*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):93–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1047

REFERENCES

1. Azbelev, S. N. Oral history in the monuments of Novgorod and Novgorod lands. St. Petersburg, 2007. 296 p. (In Russ.)
2. Boyko de Semka, V. Mikhail Karateev. *Russians in Uruguay: History and modernity*. Montevideo, 2009. P. 169–184. Available at: <https://clck.ru/VjZhP> (accessed 30.05.2023). (In Russ.)
3. Breeva, T. N. The strategy of representation of the national myth in the Slavic fantasy. *Philology and Culture*. 2012;1(27):94–100. (In Russ.)
4. Demin, A. S. Old Russian literature as literature: methods of narration and depiction: Monograph. Moscow, 2015. 486 p. (In Russ.)
5. Le Goff, J. The medieval world of the imaginary. Moscow, 2001. 440 p. (In Russ.)
6. Likhachev, D. S. Textology (based on Russian literature of the X–XVII centuries). St. Petersburg, 2001. 759 p. (In Russ.)
7. Mikhailov, O. N. Literature of the Russian abroad. Moscow, 1995. 432 p. (In Russ.)
8. Moseykina, M. N. Formation of the Russian world's memorial space in Latin America in the context of the history of the two waves of emigration. *Dialogue with Time*. 2019;68:83–97. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.68.34566 (In Russ.)
9. Nechaenko, N. D. A dream filled with cherished signs: The mystery of dreams in mythology, world religions, and fiction. Moscow, 1991. 302 p. (In Russ.)
10. Pigin, A. V. The vision of otherworld in Russian hand-written books. St. Petersburg, 2006. 432 p. (In Russ.)
11. Sokolova, L. V. The dream of Svyatoslav. *Encyclopedia of "The Tale of Igor's Campaign"*. In 5 vols. Vol. 5. St. Petersburg, 1995. P. 30–39. (In Russ.)
12. Stefanovich, P. S. "The Legend of the Calling of the Varangians" in the historiography of the XVI–XVII centuries: from medieval to early modern myths. *Old Rus' after Old Rus': the discourse of East Slavic (dis)unity*. (A. V. Doronin, Ed.). Moscow, 2017. P. 326–344. (In Russ.)
13. Stefanovich, P. S. "The Legend of the Calling of the Varangians" or Origo Gentis Russorum? *The earliest states of Eastern Europe: 2010: Prerequisites and ways of formation of the Old Russian state*. (E. A. Melnikova, Ed.). Moscow, 2012. P. 514–583. (In Russ.)
14. Toporkov, A. L. Sources of Vyacheslav Ivanov's "The Tale of Tsarevich Svetomir": ancient and medieval books and folklore. Moscow, 2012. 468 p. (In Russ.)
15. Tubyevich, R. E. Interpretation of the Joachim Chronicle in Mikhail Karateev's novel *The Charter of Great Khan*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670 (In Russ.)
16. Tufanova, O. A. Political legend in the historical narratives of the first third of the 17th century. *New Philological Bulletin*. 2019;4(51):111–122. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00094 (In Russ.)

Received: 5 June 2023; accepted: 25 March 2024